

ПЕРВЫЕ ГОНЕНИЯ

В 1924 году Наркомост издал статью, согласно которой все церковные дома, не предназначенные для богослужения, изымались и переходили в собственность государства¹¹². При оленевской церкви таких домов было три, в одном из них жил дьякон Иван Васильевич Калинин с племянницами Марфой и Татьяной. Подписе в документации следственных органов об этом напишут: «ранее жил с племянницами, имел свою келью и был на положении келейника, занимался вязанием шарфов. Так как он был болен, то за ним ухаживали две старые девы – кельйницы». Благочестивая жизнь отца Иоанна и его племянниц, народ, идущий к старцу нескончаемой вереницей, все это крайне волновало представителей власти. Поэтому 3 июля 1924 года в газете «Новая деревня» появилась заметка следующего содержания: «В селе, сколько уже лет живет «святой человек» Иван Васильевич, проповедничая за кур и яйца о загробной жизни и царствии небесном. Бабы не только свои, но и из «дальних стран» валом валят к нему. Говорят, в молодости Иван Васильевич был сапожником; но, очевидно, убедился, что шилом просторный флигелек под железной крышей не заработаешь. Теперь стал лекарем: умывает болящих с креста».

Оленевка. Пухартель. 1920 г.г.

Вскоре после этих событий, приблизительно в 1927 году старца Иоанна с племянниками выгнали из кельи. Теперь в ней размещалась пушная артель «Шерстепуховязатель». Если это произошло после мая 1927 года, тогда Марфы уже не было в живых. А, возможно, в живых не было и второй племянницы – Татьяны. Артель была организована по инициативе местной жительницы Александры Петровны Шеменковой. Председателем артели стала некто Ефремова. В кооперацию привлекли 425 работниц, исполнявших тяжелый труд за грошовую оплату. Так во второй раз блаженный старец лишился родного крова и снова был вынужден искать пристанище, но милосердный Господь и на этот раз не оставил его.

В Селявановке, на улице Колончик, жили родственники старца – Калинины и Шунины. По левую сторону улицы им принадлежали три дома. Центральный дом был построен еще дядей отца Иоанна Александром Ивановичем Калининным. В нем жила его дочь, известная тетя Наталья, двоюродная сестра старца Иоанна, впоследствии ставшая его келейницей. Этот дом стоит и поныне, он всем известен как келейка святого Иоанна Оленевского и посещается ныне большим количеством паломников. Дом Натальи был объединен холодными сенями с домом, стоящим по правую сторону. Здесь жил ее брат Николай, перебравшийся сюда из своего сгоревшего дома в начале седа, а также его сын Иван Николаевич со своей супругой Надеждой. Напомним, что Надежда была дочерью Семена Никифоровича Кирилина, возившего отца Иоанна в церковь и раскулаченного в 30-е годы. По левую же сторону стоял дом Шуниных. В нем жили Александр Михайлович Шунин, погибший в 1929 году во время хлебозаготовок в Кондольском районе, его мать Евдокия Афанасьевна, его жена Пелагея Николаевна Калинина и дети Таисия, Юлия и Евгений.

Сродники отца Иоанна благоговели перед ним, почитали его как человека святой жизни. Будучи людьми глубокой веры, прибегали к его помощи и советам. И вот когда старец лишился своего жилища, Калинины держали совет, как быть с отцом Иоанном, кажется, кто-то из родственников даже приехал из другого города. О том, что старца можно было не принять, не шло и речи. Думали только, как это сделать, не привлекая внимание властей. Времена начинались суровые, и тесное общение с таким родственником непременно влекло за собой гонения. К тому же речь шла не об одном отце Иоанне, но и о Марфе с Татьяной, ведущих монашеский образ жизни. Калинины опасались. Но на совете приняли решение – старца принять и поселить в келью Натальи.

Проживающая в Оленевке троюродная внучка старца Нина Григорьевна Марыина рассказала, что еще в 1931 году она, по ее выражению,

*Мария Михайловна Калининна
(Фролова) мать Ивана
Николаевича*

*Калинин Иван Николаевич, его
теща А. П. Никитина, его
жена Надежда и ее брат*

*Пелагея и Ольга Калининны
(слева направо). Начало XX в.*

*Кирилл Семен Новофорович
с супругой*

«положила к отцу Иоанну», то есть младенцем ползала к нему на коленках из дома Ивана через сени в дом Натальи, где старец благословлял ее, поглаживая по головке. Значит, отец Иоанн после изъятия кельи действительно жил на Колончике. То есть он появился здесь не после третьего ареста, в 1938 – 1939 году, а пришел сюда гораздо раньше – во второй половине 20-х гг.

В 1927 году почил о Господе шлемянница отца Иоанна Марфа Петровна Борунова. С детства она была воспитана благочестивым дядей, очень любила свою младшую болящую сестру Татьяну, ухаживала за ней, но призвана Богом была раньше ее. Обстоятельства ее кончины нам неизвестны, но изъятие дома и скитаниях, очевидно, сыграла здесь не последнюю роль. Им всем тогда пришлось крепко пострадать. В документе о смерти Марфы сказано, что умерла она от болезни, на дому, 21 мая 1927 года в возрасте 56 лет и похоронена на оленевском кладбище. Неизвестным остается, когда и при каких обстоятельствах отошла к Богу болящая девица Татьяна – младшая шлемянница старца.

Святые писмена

Что же касается дальнейшей судьбы изъятой кельи отца Иоанна, — она была примерно таковой. Оленевская пуховязальная артель была филиалом Кучко-Еланской пуховой артели. Филиалов всего было 5¹¹³, и при каждом существовал склад пуха. С конца 20-х гг. артель находилась в келье отца Иоанна, но дом был слишком мал. Вскоре привезли большой сруб из Елани, в который переместили артель, а в келье сделали пуховый склад. В 1958 году на складе случился пожар, дом почти сгорел, и когда стали разбирать обгоревшие бревна, в стене якобы нашли тайник, а в нем — так называемые «святые письма». Это были несколько ветхих листов бумаги, на которых были даны указания, какой псалом следует читать при той или иной напасти. Листы эти были принесены Александре Григорьевне Каюковой, а в 1990-х гг переданы настоятелю соловцовской церкви о. Александру Егорову.